

ШАЧИН Святослав Вячеславович, кандидат философских наук, доцент (г. Мурманск). Автор 47 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3959-5585>

К ВОПРОСУ ОБ АРКТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ИСТОРИИ СЕВЕРА И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ С ПОЗИЦИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Статья посвящена разработке методологии, которая позволит сформулировать понятие «арктическая идентичность». Для этого необходимо представить противоречия, свойственные содержанию указанного понятия. Данные противоречия являются выражением изначальной противоречивости арктической идентичности как предмета исследования. Они могут дополнять друг друга по мере того, как обнаруживается более глубокое содержание арктической цивилизации. Реализуется такая методология в два этапа. Сначала отмечается, что человеческая природа в Арктике способна к серьезным трансформациям, и объясняется, какие именно плодотворные открытия в области самопознания могут быть сделаны людьми в Арктике. Далее показано, каким образом арктическая цивилизация взаимодействует со всем остальным человечеством и как способна оказывать на него влияние. Привлечение материалов путешествия В.И. Немировича-Данченко на Кольский полуостров в 1873 году помогает аргументировать необходимость трансформации современного научного мировоззрения для постижения идентичности северного человека. Рассмотрены черты названной идентичности, в частности подчеркнуто то, что человек на Севере способен иначе воспринимать пространство и извлекать из него информацию в интуитивной форме. Это позволяет надеяться на то, что благодаря диалогу людей с северной идентичностью и приезжих, стремящихся к расширению сознания на Севере, человечество может обнаружить в себе резервы для нового варианта развития. Тогда северная идентичность окажет влияние на процесс формирования новой идентичности человечества в целом: человечество в чем-то станет северным, а Север будет становиться все более универсальным.

Ключевые слова: Арктика, арктическая идентичность, северная идентичность, арктическая цивилизация, диалектическая методология, антропология.

При определении сущности арктической идентичности актуален вопрос, который ставит Ю. Слезкин: «Насколько обязательно приносить различия в жертву равенству? Все ли отличия

---

*Адрес: 183032, г. Мурманск, просп. Кирова, д. 49; e-mail: s_shachin@mail.ru

Для цитирования: Шачин С.В. К вопросу об арктической идентичности: анализ истории Севера и его современности с позиции диалектической методологии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 6. С. 121–131. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.121

иерархичны? Является ли тождество единственной альтернативой неравенству?» [1, с. 103].

В предлагаемом тексте мы покажем, какие существенные позитивные трансформации испытывает человек в Арктике, какие новые возможности могут быть обретены восприимчивыми людьми от пребывания в Арктике, а также присутствуют в носителях арктической идентичности. Далее – будет проанализирована возможность диалога между северным мировоззрением и новоевропейским через философскую интерпретацию материала путевых заметок В.И. Немировича-Данченко [2]. Будет осмыслено диалектическое содержание саамского предания, найденного им, что даст возможность прояснить необходимость трансформации научного мировоззрения для того, чтобы арктическая идентичность стала бы понятной. В то же время такая трансформация совершается в Арктике естественным образом, что показывает опыт самого писателя, представленный в книге. В результате диалог оказывается взаимным: носители арктической идентичности смогут донести ее остальному человечеству и тем самым воздействовать на процесс формирования новой идентичности человечества в посткризисную эпоху; с другой стороны, Арктика при этом перестанет быть экзотической и провинциальной, но сумеет вместить в себя понимание всеобщности. Именно это позволит составлять научно обоснованные стратегии деятельности нашего государства и нашего общества в Арктике, подразумевающие не просто добычу сырья и энергоресурсов, а полноценное становление арктической составляющей русского мира.

К обсуждению возможностей трансформации антропологии в Арктике. В известной книге, посвященной выработке парадигмы развития Арктики, метко сказано: «Представляется, что ключевой проблемой на пути реализации арктической стратегии России является дисбаланс между целями развития и фактически существующим потенциалом. Прежде всего это сокращение численности населения российской Арктики» [3, с. 27]. Причины этого

сокращения очевидны, и самые важные состоят в том, что Север воспринимается как кладовая ресурсов, где зарабатывают деньги, а не живут, о чем говорит бывший лидер Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаев. Однако такой расхожий образ мыслей приводит к неизбежной угрозе геополитическим позициям России в глобальном масштабе. И хотя дискуссии о пространственном аспекте геополитических интересов России еще должны быть проведены в научно-гуманитарном сообществе, все равно подчеркивается, что «эти задачи (реализации арктической стратегии. – С. III.) не могут быть решены вне общего развития арктической инфраструктуры, что с одной стороны требует финансовых ресурсов, с другой – постоянно проживающего населения» [3, с. 28]. Цитируемые авторы очень бережно относятся к населению Российской Арктики и в другом тексте отмечают: «Несмотря на малую долю проживающего в Арктике населения, ее экономическое развитие достаточно важно для страны, причем основными выгодоприобретателями являются корпорации и бюджет» [4, с. 11]. Но суть проблемы состоит как раз в том, каким образом россияне поедут в Арктику именно для того, чтобы жить в ней, а не быть мобилизованными на военную службу или не спасаться от экономического кризиса в более теплых регионах России.

Ответ на данный вопрос может быть только радикальным: для этого должна поменяться антропология современного человека, и он должен приобрести арктическую идентичность. В указанной области отечественная гуманитарная наука имеет ряд известных разработок – Ю.В. Попкова и Е.А. Тюгашева [5], У.А. Винокуровой и Ю.Б. Яковца [6], А.В. Головнева [7]. Например, Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев отмечают весьма важный аспект, согласно которому северным народам, которые выразили свое мировоззрение в искусстве и религиозной мысли, свойственна способность решить проблему тождества бытия и мышления путем выделения единой, цельной субстанции, снимающей их противоположность через систему сложных опосредований, причем такое тождество

«модифицируется, конкретизируется и развивается в непрерывном процессе формообразования» [5, с. 361]. А ведь в этом и состоит вариант решения задачи: Север может стать местом притяжения людей с подлинно философским мировоззрением со всего мира и пространством, где оно будет вырабатываться исходя из условий жизни. Приведенную мысль конкретизируют У. Винокурова и Ю. Яковец: на Севере у некоторых людей развиты особые «сенсорные способности», улавливающие «геоинформационную среду» в рамках «соответствующих передающих каналов и структур». Арктический человек, поставленный в экстремальные условия, сумел научиться передавать информацию через огромные пространства и даже через границу времени и вечности, и данная информация может активизироваться в особых условиях, одним из которых является изначальная настроенность человека на Добро [6, с. 118]. Об этом также пишет и А.В. Головнев, имея в виду особую способность человека Арктики к преодолению широких пространств, которая предполагает опыт свободы, преобразующий базовые антропологические характеристики (по сравнению с оседлыми жителями) и реализующийся в многообразных формах деятельности и особых социальных структурах кочевого общества, что позволяет людям постоянно жить в дороге и осваивать пространство, превращающееся в часть их целостного человеческого существа [7, с. 205–214, 420–428].

Но что это за изменения в человеческой природе, которые наступают на Севере именно благодаря тому, что он там оказывается в экстремальных условиях? Для этого мы должны ответить на вопрос о пользе холода для человека, поскольку он является парадоксальным для расхожего мировоззрения, воспринимающего Север как место временного пребывания и среду для зарабатывания денег, а холод – как источник страдания и в конечном счете – угрозу здоровью и выживанию. И хотя подобного рода взгляды, безусловно, рациональны, однако вся суть заключается в некоем добавочном знании о человеческой природе в Арктике, которое скорректирует расхожие представления.

Они были бы единственно верными, если бы у человека полностью отсутствовали скрытые, находящиеся в спящем состоянии резервы, если бы человек, подобно животному, был жестко привязан к определенной экологической нише. Между тем еще основатель философской антропологии Макс Шелер писал, что человек есть существо, превосходящее себя и мир [8, с. 60]. Человек обладает необыкновенными пластичностью и изменчивостью, не свойственными другим живым существам. Еще более глубокое объяснение: человеческое тело представляет собой не просто границу, отделяющую внешний мир от внутреннего; оно несет в себе многие возможности, которые оказываются даже неосознанными в состоянии постоянной спешки и искусственного комфорта.

Чтобы познать эти возможности, мы должны задуматься над удивительным фактом сохранения постоянной температуры человеческого тела в состоянии здоровья. Если тело способно при жаре к охлаждению, то на холоде оно вырабатывает особое внутреннее тепло, позволяющее не застывать открытым участкам тела, например лицу. Человек причастен к особому уровню реальности, который Гераклит называл «огненным миром». В XX веке в форме афоризмов об огненном мире писали в «Живой этике» Е. и Н. Рерихи, тем самым передавая опыт индийской цивилизации европейскому человечеству [9].

Естественно, проникновение в «огненный мир» пока недоступно современной науке, и образы, использованные Рерихами, воспринимаются учеными, которые не являются сторонниками «живой этики», преимущественно как метафоры. Однако человечество на данной стадии своего развития способно ощутить такой уровень реальности индивидуально, через акт творческого озарения, когда, например, писатель или философ едва успевает записать мысли, приходящие ему откуда-то из вершин сверхсознания или истоков подсознания. По этому поводу Норберт Винер отмечает, что творческий человек способен установить глубинные связи между различными отделами головного мозга, вплоть

до ствола головного мозга, и задействовать тем самым эволюционный опыт человеческого рода [10, с. 233–235, 322].

Обычный человек может задать себе глубокий вопрос, почему существует такая несправедливость: кому-то дана способность к творчеству, причем он сам не всегда может объяснить, как это творчество совершается (как писал А. Солженицын, «не я писал – через меня писалось»), а другому – нет. Откуда истекает такая избирательность?

И тут можно сделать парадоксальный шаг к осмыслению пользы холода: именно благодаря краткосрочному пребыванию на сильном морозе человек может испытать необыкновенный прилив внутренней энергии, что позволит ему стимулировать свой мозг работать как-то иначе, по иным схемам, чем в обычном состоянии, и начать тем самым устанавливать связи между нейронами, находящимися в разных отделах головного мозга (что в обычном состоянии затруднительно), в т. ч. и подключаться к самым эволюционно древним отделам, где хранится опыт коллективного бессознательного.

Это и может объяснить большую одаренность жителей Севера мистическими способностями, которые называются не вполне определенным термином «шаманизм», хотя более тонкий анализ позволит увидеть в нем целый ряд самых различных содержаний, почему к анализу шаманизма может быть применена методология осмысления мифологического сознания, разработанная М. Элиаде¹ [11, с. 273–274].

Поэтому приедем из иных, более теплых регионов можно предложить самим пережить опыт кратковременного холода и испытать это

на своем теле и в своем сознании (которое сразу же расширится, если только сумеет преодолеть исходный шок, потому как такой опыт не может совершаться сразу же, без подготовки). Возникает даже идея своего рода терапии холодом, причем это касается не только чисто телесных недугов: гораздо более интересным будет высвобождение человека из-под шор застывших предубеждений, коллективных стереотипов, с которыми он себя отождествляет, не задумываясь, от неуверенности в собственных духовных и интеллектуальных силах, от лени и трусости ума (если же человек, побуждаемый к ней наставником и кем-то вроде коуча-«тренера», сумеет совершить такую работу над собой, то он сможет и мобилизовать новые ресурсы своего организма, и испытать также эффект телесного оздоровления). К тому же существование специфических национальных одежд и форм жилищ настроит сознание человека и сможет помочь на начальном этапе преодолеть предубеждения против холодной погоды. После испытания описанных выше духовных состояний человек может проникнуться глубинной символикой эстетического творчества народов Севера и понять, почему реальность там изображается именно так, а не иначе. Может быть, такой человек сможет сам начать творить...

Еще один момент: особенно ценен для человека опыт контраста холодного воздуха и теплых геотермальных источников. Он поведет к постепенному пробуждению скрытых способностей в других частях человеческого тела, не только в тканях лица, т. к. человек сможет плавать в мороз в открытых водных источниках. Тем самым человек испытает прилив «вну-

---

¹М. Элиаде определяет «экстатический опыт» как первичное явление, органично свойственное человечеству в целом и прослеживаемое еще в культуре первобытных охотников и собирателей. Однако этот опыт всегда должен был интегрироваться в определенную историко-религиозную среду, которая содержала в себе идеологические средства, с помощью которых он должен был находить свое оправдание. В основе северного шаманизма он видит архаическую технику экстаза как способа соединения с Высшим существом в форме вознесения души шамана (причем это Существо и есть подлинное я человека и вместе с тем основа мира) [11, с. 273–274]. И хотя данный опыт приходит только через долгую подготовку, возможности подобного опыта лежат в человеческой природе, и потому на Севере могут совершиться его опознание и осознание – в платоновском смысле не узнавания нового, а припоминания давно забытого, возможно, находящегося в эволюционно древних отделах головного мозга современного человека.

тренного огня» в более объемные участки тела, что поведет к еще более необычным духовным и телесным обретениям. Возможно, тем самым будет сделан шаг к пониманию еще одного открытия мысли Индии, которое было донесено человечеству великим философом XX века Ауробиндо Гхошем и его учениками: о разуме клеток, новой форме разума, который сокрыт в самой жизненной субстанции и который современный человек не может в себе обнаружить из-за того, что у него доминирует самосознание в смысле Декарта, т. е. интеллектуальный субъект. Об этом главный ученик А. Гхоша Сатпрем написал в главе 17 под заголовком «Трансформация» своей знаменитой книги [12]. Постепенное же пробуждение клеточного разума позволит человеческому роду сделать следующий шаг по эволюционной лестнице: где-то именно здесь сокрыто решение вечной загадки бессмертия. Но для этого необходимо сделать открытым миру не только часть тела, но и все тело. Поскольку прямой контакт с холодом человеку был бы невыносим, природа создала в некоторых частях Севера горячие источники, облегчая человеку работу над собой в смысле пробуждения в его клетках новых способностей (которые те не развивают, будучи сокрытыми под одеждой или находясь в благоприятной среде теплого климата, где одежды мало). Это – вещи неизведанные и дискуссионные, но гости Севера могли бы тем самым стать открытыми к получению необычных новых опытов бытия и обнаружению в себе скрытой пассионарности в смысле Л.Н. Гумилева, т. е. как фактора обновления коллективной энергетической сущности народа – об этом великий русский ученый написал в части 6 под названием «Пассионарность в этногенезе» своей знаменитой работы [13]. Пассионарность может обновить человечество, впавшее в условиях всемирного кризиса в состояние застоя.

Что касается клеточного разума, то эта идея Ауробиндо Гхоша может приниматься в качестве исходной гипотезы, которую нужно проверять на практике. Проблема пока что решается в естественнонаучном ключе в смысле продления

жизни за счет стремления к сохранению генетической информации в клетках при ее делениях через исключение факторов, которые ведут к ее потере. Но информация не может рассматриваться только как объективное содержание, данное человеку вместе с телом; в информации может присутствовать и субъективная сторона, т. е. человек может приобщиться к ее пониманию. Это утверждение можно истолковать как указание на возможность мышления не только головным мозгом, но и другими органами тела. Известно, что большое количество нейронов сосредоточено в солнечном сплетении (почему русские говорят «нутром чую», а немцы – Bauchgefühl, т. е. о «чувстве живота»). И следующий уровень, более системный: человек мыслит всем телом в целом, а не одним мозгом; это означает, что человек может открыться новым аспектам бытия за счет того, что его тело будет соучаствовать в процессе мышления (на языке психологии это означает embodied intelligence). Р. Пфайфер и Ф. Ийда пишут: «Одна из фундаментальных нерешенных проблем состоит в том, каким образом мышление возникает из телесной системы. Провокационно выражаясь, центральная проблема может быть выражена в вопросе: “Каким образом ходьба соотносится с мышлением?”» [14, р. 1].

Почему именно на Севере могут быть реализованы данные опыты осознания телесного разума? Потому что именно здесь может быть получен искомый контраст между холодом и теплом, который вводит человеческое тело в кратковременные неустойчивые состояния (допустим, переход из теплого жилища на мороз; теплая одежда – и открытые морозу участки тела; холодный воздух – и горячие термальные источники; наоборот: жаркая баня – и холодный водоем). А неустойчивость, если она происходит в течение короткого времени, чтобы не разрушить целостную телесно-разумную систему (которой и является человек), может предоставить новые возможности. Именно так станет ясно, что передовые в научном отношении направления исследований могут стать повседневной практикой людей, отправляющихся на Север.

Анализ путевых заметок В.И. Немировича-Данченко на основе диалектической методологии. Понимая вышеуказанное, на Север все больше приезжает людей ради «расширения сознания» (Н. Рерих), что приводит к обогащению человечества.

В этом месте обратимся к документальному материалу – описанию путешествия, совершенного В.И. Немировичем-Данченко (старшим братом известного театрального режиссера) в 1873 году, – опубликованному в редкой книге [2]. Сначала путешественник обогнул Кольский полуостров на пассажирском пароходе, а затем со стороны Северной Норвегии предпринял поход по реке Кола, озеру Имандра и далее – по реке Нива до Кандалакши (его подвозили на своих судах и на оленях саамы). Мы расскажем об одной саамской легенде, переданной В.И. Немировичем-Данченко, а затем – об опыте по обретению новых способностей, которые он испытал в районе реки Кица (недалеко от слияния с рекой Колой, в 50 км южнее нынешнего Мурманска). Он не пользовался никакой поддержкой царской администрации и оказался на Кольском полуострове в результате ссылки. Конечно, писателю был свойственен просветительский подход, согласно которому европейские народы являются более старшими, а саамы – младшими братьями или детьми (в смысле детей природы, которых необходимо приобщить к цивилизации, в чем и состоит миссия Российской империи), т. е. рафинированный колониальный подход [15, с. 35, 67]. Тем не менее писатель преодолел свои установки и сумел найти интересное *предание*² (по классификации исследователей [16, с. 130]), где в художественной форме выражается невозможность достижения взаимопонимания между северной и современной индустриальной цивилизациями. Интерпретация этого предания предложена автором статьи (сам же путешественник ограничился своими впечатлениями от предания как очень печального).

Жила в окрестностях Большого Мотовского залива красавица девушка-лопарка с подругой. Сказала своей подружке, что будет видеть необыкновенный сон и чтобы та ее не будила. Спала три дня и три ночи и, проснувшись, рассказала, что ее суженый будет чужеземец, который бросит ей две вареги (вязаные шерстяные рукавички, поддеваемые под кожаные), возьмет за руки и уведет на корабль. Так и случилось. Семь лет не было о ней вестей, только доносили слухи, что муж держал ее в темноте, она света белого не видела, он рвал щипцами ей тело. Она выучилась, и муж повез ее к родному отцу в гости. Как увидела она свой залив, начала петь прекрасную песню о своей жизни у отца, про свой сон, про то, как она жила в чужой стране, как там богато живут, какие платья она носила, сколько у нее с мужем было денег, какие вещи. Но ради этого не могла она забыть родной стороны. Допела она песню и, как только издали увидела родное прибрежное селение, бросилась в море. Ее искали три дня и три ночи и так и не смогли найти [2, с. 212].

Философская интерпретация приведенного предания как раз и позволяет осознать специфику северной идентичности. Мы при этом будем помнить, что «фольклор жителей любого края связан с родной местностью и является способом структурирования и освоения родного края» [16, с. 128]. В силу того что действие происходит между двумя средами – земной и морской, а также между членами сразу двух миров: саамского (как носителя северной циркумполярной идентичности) и новоевропейского (пришелец, взявший в жены саамку), причем имеется и классическая для диалектики фигура посредника между мирами – сама главная героиня, мы можем заключить, что здесь речь идет уже о большем: о попытке осмысления места северных народов в человечестве в целом, о (не)возможности равноправных взаимоотношений между северной и новоевропейской цивилизациями.

---

²Предание представляет собой «репрезентацию истории в рамках определенной мифологической схемы», причем миф понимается не как вымысел, а как носитель достоверности, достигаемой особыми средствами [16, с. 130].

Героиня взяла на себя сложнейшую роль посредника между развитым индустриальным обществом и северным обществом с особыми ценностями, о которых хорошо сказал исследователь-антрополог XIX века Н. Дергачев: «Мир для саама – все его величайшее счастье; он питает к нему такую же признательность, какую может питать женщина к своему ребенку. Недаром существует старая поговорка, что в Лопарской земле снаружи бедно и грязно, зато в недрах ее скрывается чистое золото – мир, которым наслаждаются ее жители. Лопарь переносит все лишения, чтоб жить мирно. Вообще миролюбие и любовь к тишине и почти братское участие одного к другому составляют их качества» [17, с. 17]. Похожее понимание коренных жителей Кольского Севера высказывал целый ряд других авторов, так что это место оказывается интертекстуальным и свидетельствующим о становлении самостоятельной российской этнографической науки, способной преодолеть уже упоминавшиеся выше стереотипные колониальные интенции [18, с. 282].

В.К. Жиров отмечает, опираясь на идеи П. Флоренского: на Кольском полуострове у саамов и поморов было особое восприятие реальности, заключающееся в приоритете обратной перспективы над прямой перспективой: «Невысокие горы, издали заметные на фоне обширной плоской равнины и водной поверхности, создавали впечатление “свертывания” пространства у линии горизонта. Находящаяся вдали от наблюдателя возвышенность наваливается на него <...> Более важную роль играли полярные сияния, по своим реальным физическим и по воспринимаемым размерам во много раз превосходившие географические возвышенности местных ландшафтов» [19, с. 15]. Для помора же, «проводившего основную часть жизни на морских промыслах, возвышавшийся на горизонте берег играл оптически ту же самую роль, что тундровые возвышенности на фоне равнинной лесотундры <...> помор получал возможность сбросить привычное напряжение и порадоваться выполнению сво-

его долга кормильца только по возвращению домой. При этом вырастающий на горизонте берег <...> наваливался на рыбаков, суля им долгожданный отдых и уважение всей общины» [19, с. 19–20]. Итак, пространство жителей Крайнего Севера насыщено особыми зонами, которые оказываются более значимыми, чем субъект, находящийся в центре мира, как в привычном для новоевропейского горожанина способе восприятия линейной перспективы. Поэтому не случайно, что пребывание в чужой экономически развитой стране сравнивается с нахождением в подземелье, а утрата восприятия обратной перспективы сравнивается с отсечением членов тела искусственными инструментами.

Тем не менее муж решил, что идентичность саамской северянки изменена пребыванием в стране с «дорогими платьями»; более того, может быть, он даже связывал с ее новой деятельностью миссию по колонизации ее земель, поскольку она должна была нести своим родственникам новое мировоззрение. После того как она завидела родной берег на горизонте, она стала совершать героические попытки интеграции двух мировоззрений, причем опираясь на мистический опыт сна, который открыл ей ее миссию; но как только она увидела родное селение, осознала невозможность синтеза и потому бросилась в море, чтобы раствориться в изначальной стихии, т. к. миссия по соединению арктического и индустриального мировосприятий должна быть выполнена в результате коллективных усилий всех, кто будет ее искать (очевидно, что эти поиски совершали как соплеменники, так и чужеземцы, спутники мужа, которые плыли на корабле вместе с нею). На время путешествия В.И. Немировича-Данченко эта задача оказалась неразрешимой, хотя прошли те же самые три дня и три ночи, что были отведены на поиски и соответствовали времени мистического сна в начале предания. Северная идентичность оказывается пока что непонятой и невыраженной, и поскольку она не была донесена до представителей новоевропейской цивилизации так, чтобы они

постигли ее сущность, она оказалась до конца не осознанной и ее носителями – без рефлексии невозможно познание; эта рефлексия совершается только в эстетической форме печальной песни: Север пока что воспринимается как нечто экзотическое и чуждое остальному человечеству...

И все-таки то изменение человеческой природы, которое происходит на Севере и о котором У. Винокуров и Ю. Яковец говорили как о способности к передаче информации через огромные пространства тундры и моря Ледовитого океана, ее сохранения на неопределенно длительное время и извлечения в соответствующей ситуации (см. выше), было осуществлено самим европейским путешественником. В.И. Немирович-Данченко жил три дня в одиночестве в окрестностях реки Кица недалеко от места ее впадения в реку Колу. Он слушал шум реки о пороги и смотрел на движение бушующих потоков, и ему чудились Крымские горы и кипарисы, величаво поднимающиеся над лаврами у подножия грандиозных скал Ай-Петри [2, с. 513]. Между тем, если мы действительно посетим вершину горы Ай-Петри под Ялтой, то увидим там заросли карликовых деревьев, напоминающие леса Кольского полуострова, а во время поездок по дороге Мурманск–Петербург в окрестностях реки Кицы автор статьи также подсознательно сравнивал их с серпантинами горных дорог Крымского полуострова. Итак, если европейские путешественники сумеют опустошить свое сознание хотя бы на короткий срок, они смогут испытать опыт приобщения к арктической идентичности.

Таким образом, на Севере человек осознает новые возможности своего тела и открывает

новые содержания своего сознания. Этому способствует состояние контрастности, которое может быть более сглажено в умеренных и южных широтах. Если давно живущие на Севере люди и коренные народы уже обладают относительно своеобразной антропологией по сравнению с остальными людьми, то приезжающие на Север смогут испытать опыты «расширения сознания» и оздоровления тела. Это приведет к новым творческим обретениям. Вместе с тем современное человечество в целом вовлечено в процесс качественного переворота, который обозначается терминологией с приставкой пост-. В данной ситуации люди северной цивилизации и побывавшие на Севере люди смогут оказать воздействие на мир в целом, потому северная идентичность не окажется чем-то провинциальным и периферийным, а вступит в сложный резонанс с формирующейся новой идентичностью человечества. Человечество в чем-то станет северным, а Север будет становиться все более универсальным. Пока это – только сложная диалектическая формула, но именно она позволяет наметить пути для ответа на вопрос о сущности северной идентичности. Необходимо понимать, что цель есть конечный результат вместе со всем путем движения к нему, как мыслил Гегель в «Феноменологии духа» [20, с. 9]. Значит, мы сможет понять, как это сделать, только тогда, когда указанные идеи начнут осуществляться в действительности.

Автор статьи выражает благодарность Алле Ивановне Малышкиной за предоставленную ею для работы книгу В.И. Немировича-Данченко [2], которая была ей подарена выдающимся мурманским писателем В.С. Масловым.

Список литературы

1. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 512 с. URL: https://www.litmir.me/br/?b=226661&p=1#section_1 (дата обращения: 22.12.2018).
2. Немирович-Данченко В.И. Страна холода: виденное и слышанное. СПб.; М.: Изд. книгопродавца типографа М.О. Вольфа, 1877. 528 с.

3. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. акад. А.И. Татаркина. СПб.: Нестор-История, 2014. 844 с.
4. Татаркин А.И., Захарчук Е.А., Логинов В.Г. Современная парадигма освоения и развития Арктической зоны Российской Федерации // Арктика: экология и экономика. 2015. № 2(18). С. 4–13. URL: [http://arctica-ac.ru/docs/2\(18\)/004_013_Arktica_2\(18\)_06_2015.pdf](http://arctica-ac.ru/docs/2(18)/004_013_Arktica_2(18)_06_2015.pdf) (дата обращения: 22.12.2018).
5. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. 376 с.
6. Винокурова У.А., Яковец Ю.В. Арктическая циркумполярная цивилизация. 2-е изд., доп. Новосибирск: Наука, 2016. 320 с.
7. Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
8. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: сб. переводов. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
9. Огненный мир Агни-Йоги. URL: <http://nowimir.ru/DATA/070600.htm> (дата обращения: 22.12.2018).
10. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине: пер. с англ. М.: Наука, 1983. 340 с.
11. Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с. URL: <http://volkstay.com/biblioteka/1/shamanism.pdf> (дата обращения: 22.12.2018).
12. Сампрем. Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. СПб.: Амрита, 1992. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=109068> (дата обращения: 22.12.2018).
13. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Ч. 6. Пассионарность в этногенезе. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/EVE/ebe06.htm> (дата обращения: 22.12.2018).
14. Pfeifer R., Iida F. Embodied Artificial Intelligence: Trends and Challenges. URL: <http://people.csail.mit.edu/iida/papers/PfeiferIidaEAIDags.pdf> (дата обращения: 22.12.2018).
15. Бодрова О.А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половины XIX – начала XX вв. Апатиты: Изд-во Кол. науч. центра РАН, 2014. 168 с.
16. Бодрова О.А., Разумова И.А. Локализация устных нарративов саамского фольклора на территории Кольского полуострова (к вопросу о географическом принципе составления указателя саамских фольклорных сюжетов) // Тр. Кол. науч. центра РАН. Гуманит. исслед. 2015. Вып. 8, № 7. С. 126–142.
17. Дергачев Н. Этнография Лопской земли. Очерк III // Дергачев Н. Русская Лапландия: Статистич., географич. и этнографич. очерки. Архангельск: Тип. губерн. правления, 1877. С. 1–61.
18. Бодрова О.А. «Диалог» этнографов: к проблеме интертекстуальности научного этнографического текста о саамах второй половины XIX – начала XX вв. // Антропол. форум. 2013. № 19. С. 276–294.
19. Жиров В.К. Духовные составляющие экологического сознания и межэтнические отношения (на материалах жителей Кольского Севера) // Север России – один из источников ее развития и единения народов: уроки истории: материалы регион. науч.-практ. конф., г. Мурманск, 26–27 ноября 2015 года. Кировск, 2018. С. 17–22.
20. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с. URL: http://med-kirov.narod.ru/fil/gegel/Fenomenologija_dukha.pdf (дата обращения: 22.12.2018).

References

1. Slezkin Yu. *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and Ethnic Minorities of the North]. Moscow, 2008. 512 p. Available at: https://www.litmir.me/br/?b=226661&p=1#section_1 (accessed: 22 December 2018).
2. Nemirovich-Danchenko V.I. *Strana kholoda: vidennoe i slyshannoe* [The Land of Cold: Seen and Heard]. St. Petersburg, 1877. 528 p.
3. Tatarkin A.I. (ed.). *Rossiyskaya Arktika: sovremennaya paradigma razvitiya* [The Russian Arctic: Contemporary Development Paradigm]. St. Petersburg, 2014. 844 p.
4. Tatarkin A.I., Zakharchuk E.A., Loginov V.G. *Sovremennaya paradigma osvoeniya i razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii* [The Modern Paradigm of Development of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Arktika: ekologiya i ekonomika*, 2015, no. 2, pp. 4–13. Available at: [http://arctica-ac.ru/docs/2\(18\)/004_013_Arktica_2\(18\)_06_2015.pdf](http://arctica-ac.ru/docs/2(18)/004_013_Arktica_2(18)_06_2015.pdf) (accessed: 22 December 2018).

5. Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. *Filosofiya Severa: korennye malochislennye narody Severa v stsenariyakh miroustroystva* [Philosophy of the North: Indigenous Small-Numbered Peoples of the North in World Order Scenarios]. Salekhard, 2006. 376 p.
6. Vinokurova U.A., Yakovets Yu.V. *Arkticheskaya tsirkumpolyarnaya tsivilizatsiya* [The Circumpolar Civilization of the Arctic]. Novosibirsk, 2016. 320 p.
7. Golovnev A.V. *Fenomen kolonizatsii* [The Colonization Phenomenon]. Yekaterinburg, 2015. 592 p.
8. Scheler M. Polozhenie cheloveka v Kosmose [The Human Place in the Cosmos]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow, 1988, pp. 31–95.
9. *Ognenny mir Agni-Yogi* [The Fiery World of Agni Yoga]. Available at: <http://nowimir.ru/DATA/070600.htm> (accessed: 22 December 2018).
10. Wiener N. *Kibernetika, ili Upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine* [Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine]. Moscow, 1983. 340 p.
11. Eliade M. *Shamanizm: Arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy]. Kiev, 2000. 480 p. Available at: <http://volkstay.com/biblioteka/1/shamanism.pdf> (accessed: 22 December 2018).
12. Satprem. *Shri Aurobindo, ili Puteshestvie soznaniya* [Sri Aurobindo, or The Adventure of Consciousness]. St. Petersburg, 1992. Available at: <https://www.e-reading.club/book.php?book=109068> (accessed: 22 December 2018).
13. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli. Ch. 6. Passionarnost' v etnogeneze* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth. Pt. 6. Passionarity in Ethnogenesis]. Available at: <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe06.htm> (accessed: 22 December 2018).
14. Pfeifer R., Iida F. *Embodied Artificial Intelligence: Trends and Challenges*. Available at: <http://people.csail.mit.edu/iida/papers/PfeiferIidaEAIDags.pdf> (accessed: 22 December 2018).
15. Bodrova O.A. *V poiskakh otrazheniya: saamy Kol'skogo Severa v russkoy etnograficheskoy literature vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [In Search of Reflection: The Sámi of the Kola North in Russian Ethnographic Literature of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Apatity, 2014. 168 p.
16. Bodrova O.A., Razumova I.A. Lokalizatsiya ustnykh narrativov saamskogo fol'klora na territorii Kol'skogo poluostrova (k voprosu o geograficheskom printsipe sostavleniya ukazatelya saamskikh fol'klornykh syuzhetov) [Localization of the Oral Narratives of the Sámi Folklore on the Kola Peninsula. The Geographic Criterion of Classification of the Kola Sámi Folklore]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya*, 2015, no. 8, no. 7, pp. 126–142.
17. Dergachev N. Etnografiya Lopskoy zemli. Ocherk III [Ethnography of Lapland. Essay 3]. Dergachev N. *Russkaya Laplandiya* [Russian Lapland]. Arkhangelsk, 1877, pp. 1–61.
18. Bodrova O.A. “Dialog” etnografov: k probleme intertekstual'nosti nauchnogo etnograficheskogo teksta o saamakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [Ethnographers’ “Dialogue”: The Problem of Intertextuality in Scientific Ethnographic Work in the Latter Part of the 19th – Early 20th Centuries]. *Antropologicheskoy forum*, 2013, no. 19, pp. 276–294.
19. Zhirov V.K. Dukhovnye sostavlyayushchie ekologicheskogo soznaniya i mezhetnicheskie otnosheniya (na materialakh zhiteley Kol'skogo Severa) [The Spiritual Components of Environmental Consciousness and Interethnic Relations (Exemplified by the Residents of the Kola North)]. *Sever Rossii – odin iz istochnikov ee razvitiya i edineniya narodov: uroki istorii* [The Russian North as One of the Sources of the Country’s Development and Unity of the Peoples: Lessons of History]. Kirovsk, 2018, pp. 17–22.
20. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Moscow, 2000. 495 p. Available at: http://med-kirov.narod.ru/fil/gegel/Fenomenologiya_dukha.pdf (accessed: 22 December 2018).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.121

Svyatoslav V. Shachin

prosp. Kirova 49, Murmansk, 183032, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3959-5585> e-mail: s_shachin@mail.ru

**ON ARCTIC IDENTITY: AN ANALYSIS OF THE HISTORY OF THE NORTH
AND ITS PRESENT FROM THE POSITION OF DIALECTICAL METHODOLOGY**

The article dwells on the development of the methodology that will allow us to formulate the concept of Arctic identity. For this purpose, it is necessary to reveal the contradictions inherent in the content of this notion. These contradictions follow from the contradictory nature of Arctic identity as an object of research. They can supplement each other as the deeper content of the Arctic civilization comes to light. This methodology is implemented in two stages. First, it is shown that human nature in the Arctic is capable of serious transformations and explained what kind of useful self-discoveries can be made by people in the Arctic. Further, it is demonstrated how the Arctic civilization interacts with and can influence the rest of humankind. The paper turns to the materials collected by V.I. Nemirovich-Danchenko during his travel to the Kola Peninsula in 1873. These data justify the need to transform contemporary scientific worldview in order to understand northern identity. In addition, traits of this identity are studied; in particular, it is stressed that a person in the Arctic is able to perceive the space in a different way and to extract the information from it in an intuitive form. This idea suggests that with the help of the dialogue between people with northern identity and visitors seeking consciousness expansion in the Arctic, the humankind will be able to find in itself the resources for a new development scenario. In that case, northern identity will influence the formation of the new identity of humankind in general: the humankind will acquire northern traits while the North will become more universal.

Keywords: *Arctic, Arctic identity, northern identity, Arctic civilization, dialectical methodology, anthropology.*

Поступила: 05.03.2019

Принята: 26.09.2019

Received: 5 March 2019

Accepted: 26 September 2019

For citation: Shachin S.V. On Arctic Identity: An Analysis of the History of the North And Its Present from the Position of Dialectical Methodology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 6, pp. 121–131. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.121